

Александр Грин

ЗОЛОТОЙ ПРУД

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г85

Грин, А.

Г85 Золотой пруд / А. Грин. — М.: Т8RUGRAM, 2018. — 498 с.

ISBN 978-5-521-77865-2

Образ золота и богатства часто встречается на страницах творчества Грина. Однако счастливыми остаются лишь честные, неискушённые земными благами люди. «Золотой пруд» — это необыкновенная книга об иллюзорности желаемого, о соблазнах и их преодолении.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

Ужасное зрение	5
Птица Кам-Бу	8
Волшебный экран	16
Желтый город	19
Золотой пруд	22
Наследство Пик-Мика	28
Капитан Дюк	57
Путь	86
Подаренная жизнь	95
Баталист Шуан	102
Поединок предводителей	113
Морской бой	115
Медвежья охота	118
Леаль у себя дома	129
Возвращенный ад	136
Львиный удар	178
Огонь и вода	192
Мебелированный дом	203
Ночью и днем	216
Слепой Дей Канет	232
Лабиринт	236
Черный алмаз	246
Пьер и Суринэ	254
Отшельник Виноградного Пика	265
Тайна дома № 41	272
Тяжелый воздух	302
Таинственная пластинка	312

Сто верст по реке	319
Как я умирал на экране	374
Пассажир Пыжиков	381
Отравленный остров	391
Веселая бабочка	413
Фантазеры	420
Страшный злодей	427
На реке	433
Трамвайная болезнь	443
Наказание	447
Вокруг света	454
Возвращение «Чайки»	469
Пари	488

УЖАСНОЕ ЗРЕНИЕ

Слепой шел, ощупывая дорогу палкой и по временам останавливаясь, чтобы прислушаться к отдаленной пальбе. Удар за ударом, а иногда и по два и по три вместе, колыхались пушечные взрывы над линией перелесков и желтых полей, обвеянных голубыми тонами полудня, склоняющегося к вечеру. Слепого звали Акинф Крылицкий. Он ослеп давно и случайно; ослеп так:

Мальчиком пас он коров во время грозы; думая укрыться от дождя, Акинф подошел к большому осокору, но в этот момент молния разрушила дерево и оглушила Крылицкого, он упал без сознания, а когда встал, то ничего не увидел, он был поражен нервной слепотой.

Теперь Акинфу было сорок лет, и он часто смертельно тосковал о потерянном зрении, впечатления которого почти стерлись в его памяти за такой долгий промежуток времени. Он шел в данный момент к своей деревне пешком из уездного города, за двадцать верст. Он не нуждался в поводыре, так как дорога была знакома и не разветвлялась. Он шел и размышлял — оказалась ли уже его деревня в районе военных действий, или еще нет. Акинф пробыл в городе четыре дня, побираясь; а жил он в деревне у брата.

Никто не попадался слепому по дороге, и это немало удивляло его; обыкновенно здесь проезжали возы и шли пешеходы.

Наконец, определив усталостью, что скоро он должен подойти к деревне, слепой почувствовал запах га-

ри. Таким запахом, остывшим и, так сказать, холодным, пахнут обыкновенно старые лесные горные пустоши. Акинф, встревожившись, прибавил шаг. Ему сильно хотелось увидеть деревню, она, конечно, ничуть не изменилась с тех пор, когда он видел ее мальчиком, разве что старые избы сменились новыми и тоже, в свою очередь, состарились. Гарью запахло сильнее.

«Не пожар ли? — подумал Акинф. — Не мы ли горим с братом, матка бозка?!»

Кругом было очень тихо, только вдали твкали выстрелы орудий, и сердце у Акинфа сжалось. Тем временем спускался он по ложбинке к мостику над узким, глубоким оврагом. Привычной ногой ступил Акинф на воображаемое начало мостика и, задохнувшись от неожиданности, — полетел вниз, с высоты трех саженей, на глинистое дно оврага. Мостик был разрушен шальным снарядом, и Акинф, конечно, не знал этого.

Когда он очнулся, все тело его ныло и ломило от удара о землю. Руки и ноги были целы, в усах и разбитой губе запеклась кровь. Но не это обратило на себя его внимание: с удивлением и испугом, с сильным сердцебиением заметил он, что прежний черный мрак сменился туманным и красноватым. Тут же он увидел свои руки и понял, что зрение вернулось к нему. Оно вернулось от нового сильного нервного потрясения в момент падения — таким путем часто проходит нервная слепота.

Акинф с страхом и радостью выбрался из оврага и подошел к деревне. Он увидел ряд почерневших из-

городей и груды черного пепла среди них — все, что осталось от когда-то бойкой деревеньки. Ни души человеческой, ни собаки не было в этом печальном месте. Деревня сгорела дотла, может быть — от снарядов.

И тогда Акинф почувствовал, что снова ему застилает зрение, но на этот раз — слезами.

ПТИЦА КАМ-БУ

- Какой красивый петушок!
- Что вы?! Разве он несется?

Разговор экскурсантов.

I

На самом маленьком острове группы Фассидениар, затерянной к северо-востоку от Новой Гвинеи, мне и корабельному повару Сурри довелось прожить три невероятно тяжелых месяца.

Мы, потерпев крушение, пристали к острову на утлом, предательски вертлявом плоту, одни-одинешеньки, так как остальной экипаж частью утонул, частью направился, захватив шлюпки, в другую сторону.

Дикари измучили нас. Их вид был смесью свирепого и смешного, что утомительно. Здоровенные губы, распыленные ракушками и медными пуговицами, отвислые уши, мохнатые, над жестокими глазами, брови, прически в виде башен, утыканных перьями, переднички и татуировка, копыя и палицы — все это дышало ядом и убийством. Нас не покушались съесть, нас не били и не царапали.

Мы, только что выползшие на берег, мокрые, злые, испуганные, стояли в центре толпы, ожидая решения старшин племени, кричавших друг на друга с яростью прачек, не поделивших воды. Из пятого в десятое я понимал, о чем они говорят, и переводил туземные фразы Сурри.

Тут выяснилось, что у дикаря Мах-Ках задавило упавшим деревом сразу двух жен, и Мах-Ках остался без рабочих рук. Он просил отдать меня с Сурри ему в рабы. За Мах-Каха стояли двое старшин, другие два поддерживали предложение пронырливого старика Тумбы, считавшего крайне выгодным продать нас в обмен на полдюжины женщин соседнему племени каннибалов для известного рода пиршества. Мах-Ках показался мне несколько симпатичнее Тумбы. С трудом подбирая слова, я крикнул:

— Выслушайте меня! Если вы продадите нас людоедам — мы сделаем себе горькое мясо. Никто не захочет нас есть. У вас отберут женщин обратно и сожгут ваши шалаши за мошенничество. Мах-Ках будет нас кормить, а мы будем для него работать.

— Как же вы сделаете горькое мясо? — недоверчиво зашипел Тумба.

— Растравим себе печенку, — мрачно сказал я, — воспоминанием о твоём лице.

Боязнь прогадать, опасение таинственных волшебств белых людей и та, существующая под всеми широтами синица, более интересная, чем журавль в небе, дали перевес Мах-Каху. Он с торжеством увел нас к своему логову.

II

Остров был прекрасен, как сон узника о свободе. В полдень он сиял и горел, подобно изумруду, окруженный голубым дымом моря, он бросал тени лесов в его прозрачную глубину. Вечером он благоухал весь,

от почвы до листвы высоких деревьев, смешанные сильные запахи неотступно преследовали человека, подобно любовному томлению яркой мечты. Ночью ослепляющий мрак сверкал огнями таинственных насекомых, эти огни воображение легко представляло звездами, опустившимися к земле, так были они яркие, загадочны и бесчисленны. Иногда в фосфорическом луче их крался из мрака образ острого, серебристого листа и гас подобно призраку, уничтоженному сомнением. На таком острове жили невозможные дикари.

Мах-Ках давал нам весьма мало отдыха, еще меньше пищи, но очень много работы. С утра до захода солнца мы растирали круглыми камнями волокнистую сердцевину саговых деревьев, добывая муку; носили воду из отдаленного озера, копали ямы, назначение коих оставалось для нас неизвестным, плели циновки, долбили челноки и строили изгороди. Мах-Ках ничего не делал, лишь изредка, лениво таща лук, уходил в лес за птицей или молодым кенгуру. Разумеется, у нас отняли все, что уцелело от кораблекрушения: платки, ножи, трубки и компас.

Раз вечером, измученный работой, обросший бородой, полуголый и грустный Сурри затянул песню. В ней говорилось о далекой звезде, на которую смотрит женщина.

«О, если бы я была звездой», — говорит она и получает в ответ: «звезд много, а любящих, как ты, совсем ничтожное число на земле. Будь со мной, будь вечно со мной, единственная моя звезда».